

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф63

Лана Фиселлис
САДЫ РЭДДХЕМА

Дизайн обложки *Василия Половцева*
Иллюстрация на обложке *Lotur Norn*

Фиселлис, Лана.
Ф63 Сады Рэддхема: роман / Лана Фиселлис. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 320 с. — (Словотворцы. Ковен магических миров).

ISBN 978-5-17-159995-9

Шесть лет спокойной и тихой жизни Селены шли безмятежно, не считая таинственного незнакомца, являвшегося во снах. В один день работа в кофейне и встречи с другом остаются позади. Селена открывает глаза в другом мире и видит незнакомцев. Они рассказывают о перевороте, случившемся шесть лет назад, и о захватившей власть самозваной Королеве.

Спасаясь от преследований, Селена пытается понять, как вернуть магию, память и прежнюю жизнь. Навещающие ее в коротких снах воспоминания приоткрывают завесу новых тайн, связанных с Рэддхемом. Но вопросов появляется больше, чем ответов...

Селене придется преодолеть сомнения, пройти путь до конца и решить — станет ли Рэддхем для нее родным миром?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159995-9

© Лана Фиселлис, 2023
© Lotur Norn, иллюстрация
на обложке, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Н а улице так холодно, что даже сквозь плотную ткань перчаток ощущается, как мороз покалывает кожу. Всадник кутается в тёмную накидку, выпускающая изо рта маленькое облачко пара. Оно тут же рассеивается в воздухе. Лицо скрывает капюшон, черты его практически невозможно различить. Он наматывает поводья на кулак, заставляя лошадь сначала замедлиться, а потом и вовсе остановиться. Кобыла под ним недовольно шаркает копытами по снегу и мотает головой. Незнакомец цокает языком, успокаивающе проводя рукой по её шее.

Находясь на возвышении, да ещё и верхом на лошади, всадник видит перед собой зеркальную гладь небольшого озера, около которого располагается деревня. Из печных труб поднимается дым, кое-где видны протоптанные кем-то дорожки. Это самая обычная деревня где-то на окраине страны — её местоположение даже не отмечено на карте. Зачем же тогда, спрашивается, страннику останавливаться и наблюдать за озером? Для чего ехать в такой мороз, да ещё забираться так далеко от столицы? Уж точно не ради острых ощущений и красивых пейзажей. Ни лошадь, ни всадник не сходят с места, продолжая терпеливо чего-то ждать.

Он подтягивает кожаные перчатки и поворачивает голову в противоположную сторону, вновь осматривая местность. Вокруг один сплошной лес. Сама деревня находится в низине, на берегу того самого озера, что изначально привлекло внимание путешественника. Отличное место для жизни, ничего не скажешь. Хочешь ловить рыбу — вот тебе озеро. Хочешь поохотиться — вот тебе лес. И почва наверняка плодородная. Но для того чтобы найти это место, приходится попотеть — деревня располагается почти на границе с Домом Воздуха.

Такие деревушки не редкость, и всадник встречал по пути как минимум пять точно таких же: домики, коих от силы штук пятнадцать, окружённые густым лесом и огромными сугробами, возвышающимися вдоль протоптанной дороги. А может, их больше. В подобной местности народ знает друг друга поимённо — путешественников в этих краях, тем более в это смутное время, можно сосчитать по пальцам. Единственное, что выделяет эту деревню среди сотен таких же, — это проклятое озеро.

Шум, доносящийся со стороны деревни, заставляет всадника вздрогнуть. Он пытается разглядеть, что там творится. Долго всматривается, щурит глаза от яркой белизны снега. И тут взгляд цепляется за небольшую процессию: две крепких женщины хватают девушку, держа её настолько высоко, что ноги той отчаянно пинают воздух. Остальные жители покорно следуют за ними.

Эта девушка... по сравнению с теми двумя, она настолько хрупкая, что кажется: одно неосторожное движение — и она пополам переломится. Кожа у неё бледная, сливается с сорочкой и снегом. Светлые волосы до пояса растрёпаны, и завывающий ветер заставляет их взлетать над плечами. Судя по немного сонному лицу и одеянию, становится ясно — её вытащили из постели.

До него вдруг доносится ещё один истошный крик. Бедная девочка. Перешла дорогу не тем людям и теперь вынуждена пожинать плоды своих ошибок. Она отчаян-

но мотаает головой, пытааясь вырваться из хватки сильных женских рук. Что-то шепчет — он не слышит, но по яростному шевелению её губ может понять, что она просит их проявить милосердие.

Путник лишь на секунду прикрывает глаза. С расстояния всё кажется ему таким размытым, что начинает болеть голова. Глаза под закрытыми веками вспыхивают острой болью, а потом он распахивает их. Цвета вокруг становятся не такими яркими, домики и деревья превращаются в пятна, а вот лица... теперь он отчётливо видит каждое. Особенно чётко выделяется лицо этой бедной девушки. Во взгляде карих глаз теплится надежда, обращённая к палачам. Но они на неё не смотрят, упорно тащат её куда-то.

Всадник ощущает, как к горлу подступает ком, слотнуть который никак не получается. Наблюдать за происходящим тяжело, но послушаться приказа равно смерти. И он замирает, как мраморное изваяние в Садах Дворца, не находя в себе сил сделать вдох.

Начинается снег. Крупные хлопья кружат перед глазами, мешая рассмотреть картину сего действия. Он должен удостовериться, что всё будет сделано идеально и не возникнет никаких проблем после. Всадник фыркает и вытягивает шею, думая о том, как это неправильно. Но правильность в **таких** краях в **такое** время — понятие растяжимое, а быть борцом за справедливость он не нанимался.

Сердце болезненно сжимается, стоит ему заметить, что девушку ведут именно к озеру, которое каким-то чудом не покрывается коркой льда в лютый мороз. Он не знает, как это возможно, но уверен, что сегодняшняя казнь точно состоится — этому благоволит даже сама природа. Или магия?

На воде стоит деревянная лодка, пришвартованная к небольшому рыбацкому мостику и покачивающаяся из стороны в сторону на мелких волнах. Крепкий мужчина, сидящий в ней, поднимается и вытягивает руки, ба-

лансируя между лодкой и берегом. Босые ноги девушки упираются в борта. Она вновь истошно кричит, но теперь крик её больше похож на вопль раненого животного, угодившего в ловушку. Всадник думает, что она наверняка мысленно проклинает всех, кто её окружает, включая и его Суверенного. Из глаз текут слёзы, заставляя светлые волосы липнуть к мокрым, покрасневшим щекам.

Лодочник хватает её за щиколотку — девушка всячески пытается увернуться, хорошенько пнуть мужчину, но попытки оказываются тщетными. Собравшиеся вокруг люди молча наблюдают за происходящим — лица их напоминают маски. Словно кто-то *управляет* их эмоциями. Металлическая застёжка обвивает лодыжку и с характерным щелчком захлопывается. То же самое происходит и со второй ногой, после чего они втроем усаживают девчонку в лодку. Подумать только — для умирения одной девчонки понадобилось целых три человека. Она не перестаёт извиваться, желая вырваться, но силы неравны. Они продолжают сворачивать её руки, срывая с губ истошные крики.

Кто-то из толпы отвязывает лодку. Лодочник отгалкивается вёслами от берега, и лодка трогается с места, разрезая озёрную гладь и пуская мелкие волны. Всадник вздыхает, и изо рта снова показывается облако пара. Пальцы как можно крепче сжимают поводья — так, что кожа перчаток скрипит, заставляя лошадь нервно забить копытами на месте.

Давайте же. Быстрее.

Это несправедливо? Да, возможно. Но кто посмеет возразить? Кто посмеет выступить против ЕГО решения? Всадник снова шумно выдыхает, чувствуя, как болезненно сжимаются легкие. Его эта ситуация... напрягает. Дело в одной несчастной светловолосой девчонке? Это её ведут на казнь? Это ей не повезло, и она каким-то боком перешла дорогу Суверенному? Что ОНА могла сделать, что только для неё одной затеяли весь этот цирк?

Рука застывает у лица. Он проводит перчаткой по капошону, стряхивая снег. Девчонка больше не кричит, только тихо плачет, не сопротивляясь крепкой хватке женщины.

Лодка медленно останавливается посреди озера. Всадник скрипит зубами. Это то, чего ждёт его Суверенный: избавления, свободы от той, чья жизнь ему неугодна.

Рослые женщины поднимаются на ноги, хватая девушку под подмышки. Глаза её наверняка опухают и краснеют — всадник уже не смотрит на неё. Он не хочет становиться свидетелем жестокости его Государя. Не хочет видеть, как мучится ни в чём не повинная девчонка. словно слыша его мысленный протест, чувствуя его присутствие, она вдруг поднимает голову. И в этот момент всадник скользит по ней взглядом. Вряд ли она может увидеть его лицо, но тёмный силуэт уж точно — фигура верхом на лошади выделяется среди белоснежных сугробов и елей, виднеющихся позади.

Всадник чувствует, как вдоль позвоночника прокатывается ледяная волна. Он может поклясться, что читает по её глазам то, из-за чего сердце замирает и болезненно сжимается.

«Ну же. Любиуйся! Пусть все любятуюся!»

Или это всего лишь плод его разыгравшегося воображения? Он не уверен в этом, но чувствует, как мышечный орган бьётся в груди, подобно напуганному зверьку. Девчонка не сводит с него пронзительного взгляда карих глаз.

Её тело, как мешок с овощами, скидывают за борт лодки, заставляя озёрную гладь пойти крупными волнами. Она хочет зацепиться за борт, подняться, скользя длинными пальцами по гладко отполированной древесине, но не выходит: груз, пристёгнутый к ногам, тянет девчонку ко дну.

Всадник тут же отворачивается, с силой обхватывая поводья. Он уже не видит, как кончик указательного пальца скрывается под водой, не видит и не слышит, как охает

толпа, как озеро покрывается рябью. Быстро разворачивает лошадь, прищпоривает её и выдает звучное: «Но, девочка!» И копыта той глухо стучат по земле, припорошённой снегом. Хлопя мелькают перед глазами, бьют по замерзшим щекам вместе с колючим ветром. Но он не собирается оставаться здесь, чтобы переждать метель. Лучше уж найти какой-нибудь замызганный трактир.

Но только не здесь — в месте, где тонущее тело девочки идёт к песчаному дну. В месте, где, возможно, вся история Рэддхема оказалась перечёркнута. С этого дня её осуждающий взгляд будет преследовать его в кошмарах.

Но не только у всадника ночи станут беспокойными.

ДОМ
ВОЗДУХА

= СЕЛЕНА =

После дождя на асфальте расплываются огромные лужи: наступи на одну — и провалишься в какой-нибудь волшебный мир, где вокруг летают феи и стрекочут непонятные насекомые, как было в «Хрониках Нарнии». Каждую осень мне приходится становиться невольной участницей этого действия, исполняя пируэты вроде «не наступи в грязь» и «не свались лицом в лужу». И если мне удаётся перепрыгнуть большую часть луж, то не очень благоразумный водитель может с лёгкостью окатить грязной водой. Тогда моё «выступление» считается проваленным. Но обычно мне везёт.

Я стараюсь проскользнуть сквозь толпу спешащих куда-то прохожих. Почти каждую секунду приходится произносить спешное «извините» или «простите» — из-за образовавшейся толкучки я либо наступаю кому-то на ногу, либо случайно толкаю плечом. Люди редко отвечают мне даже раздражённым вздохом, игнорируя происходящее.

Тихо ойкаю, когда чья-то нога придавливает самый кончик конверсов. Шепчу ругательство себе под нос, чувствуя секундный дискомфорт, и пытаюсь как можно скорее пробраться к заветной двери кофейни. В такую рань магазины ещё не успели открыться — стрелка на циферблате наручных часов едва достигает семи. От яркого света

вывесок не слепит глаза, но возникает желание подольше постоять у входа, заморожённо смотря на то, как аккуратно и красиво разложен товар. Рассвет только-только окрашивает небо в ярко-розовый, заставляя лучи осеннего солнца касаться витрин.

Прижимаюсь к стене здания и юркаю к двери, дёргая за ручку. Звонит колокольчик, разрезая тишину помещения. В нос ударяет запах кофейных зёрен. И хотя кофе я терпеть не могу, этот аромат для меня почти что родной. Блаженно вдыхаю полной грудью и прикрываю глаза, ощущая умиротворение и спокойствие. Подхватывая табличку, поворачиваю её надписью «открыто» к улице.

Помещение кофейни довольно светлое. Тут стоит несколько столиков по всему периметру небольшого, но вместительного зала. Около окон — высокая барная стойка со стульями на тонких ножках, а прямо напротив двери располагаются касса и витрина, на которой разложены всевозможные сладости: от простых печений до ярких тортиков. Выглядят они так соблазнительно и красиво, что посетители всякий раз подолгу задерживаются у витрины и, поддавшись соблазну, что-то покупают.

— Доброе утро, Миш, — тихо здороваюсь я, прежде чем поднять взгляд на ведущую вверх винтовую лестницу.

Пальцы цепляют капюшон пальто, откидывая его назад. Светлые волосы, оттенком схожие с насыщенным цветом спелой пшеницы, немного спутываются и прилипают к влажным щекам. Сейчас на улице светит недавно проснувшееся солнце, но, выходя из дома, я попала под небольшой дождик. Приглаживаю растрёпанные пряди, пытаясь разглядеть в пустом помещении своего напарника, но вместо этого натываюсь на собственное отражение в витрине.

Янтарные глаза, от которых веет добротой. Миша говорит, что глаза — это зеркало души, и, по его словам, у меня необычайно светлая душа. Это видно по тёплому оттенку вокруг зрачка, крапинкам, располагающимся по радужке,

взгляду, обращённому к окружающим, — в нём светится улыбка. Вздёрнутый нос, но не как у гордецов или тех, кто насмехается; рассыпанные по лицу веснушки. В такую мерзкую погоду они особенно выделяются, что только подчёркивает персиковый тон кожи.

Моё оптимистическое настроение слишком заразно, чтобы окружающие не улыбнулись в ответ на мимолётную улыбку, не задержали взгляда чуть дольше или не выпустили ничего не значащий смешок. Миша говорит, что я всегда была такой... живой. По крайней мере, столько, сколько сама себя помню.

— Я переоденусь и вернусь, — в пустоту произношу я, точно зная, что Миша меня услышит. А затем резко скользя по ступенькам наверх — туда, там есть комнатка, где можно переодеться и оставить вещи.

Моё имя — Селена, довольно необычно, согласитесь? Не знаю, что это: чья-то глупая шутка или желание выделить меня среди остальных, но так уж вышло, что имя у меня весьма необычное. Возможно, поэтому меня настигла не самая приятная история. И я бы предпочла забыть её, вот только она отказывается выходить из головы.

Шесть лет назад я открыла глаза на больничной койке со страшным осознанием, что не помню практически ничего из своей жизни. Имя, внешность и даже возраст описывала с трудом, напрягая память до нестерпимой боли в голове, разрывающей виски. Я помнила, как читать, писать, могла посчитать, сложить и умножить числа, но на этом все умения заканчивались — воспоминания стёрлись, будто с дискеты, хранившей историю моего жизненного пути.

В тот день около меня сидели женщина средних лет и парень. Из нашего диалога я узнала, что незнакомка — Мария Морозова — моя тётка по отцу, с которой я и живу, а незнакомец — Михаил Нефлянов — единственный друг, помнящий обо мне всё до мельчайших деталей. Они знали обо мне столько всего, а я не помнила даже их имён.

К порогу местной больницы меня приволок мужчина, прогуливавшийся с супругой и двумя детьми по парку. Он заметил мое тело — я лежала без сознания на берегу паркового озера, и поспешил проверить пульс, слабо бившийся на шее. Я не запомнила его имени, но помню точно, что он упомянул синеву моих губ, хорошо различимую даже в вечернем мраке. Тогда мне всё это казалось дикостью. Хотелось закрыть уши ладонями, спрятаться куда-нибудь, заставить себя проснуться. Я попыталась ущипнуть себя за руку: пусть всё окажется просто плохим сном, нехорошей фантазией. Но уже на протяжении шести лет каждый день я встаю с кровати и понимаю, что произошедшее мало смахивает на сон. Скорее на чью-то глупую и несмешную шутку.

Из больницы меня благополучно выписали, хоть пробыла я там не так уж и долго — моей жизни в любом случае ничего не угрожало. И пускай я не могла вспомнить, что происходило со мной до всего случившегося, с расспросами никто не приставал. Ни так называемая тётка, ни друг, ни врачи. Это поначалу казалось слишком странным. Я даже подозревала их в каком-то заговоре, но со временем все страхи и сомнения рассеялись. Наверное, потому что они относились ко мне с такими теплотой и заботой, что я просто не могла думать о них плохо. Не имела права.

По словам Марии, я окончила школу с хорошими оценками. И пускай нанятые тётей репетиторы помогли вспомнить основы школьных предметов, был ли смысл идти учиться в университет или колледж? Отец Миши с радостью принял меня на работу в семейную кофейню, аргументировав это тем, что им не мешают лишние руки, а мне не мешает эти руки занять. Может, я и позабыла события прошлого, но умом обделена не была. А ещё рядом находился Миша, который редко когда оставлял меня одну. И за это я благодарна ему.

— Ты сегодня даже раньше обычного. — В ушах звучат игривые Мишины интонации. Я спускаюсь по ступеням,

на ходу подвязывая фартук на талии. — Неужели так сильно соскучилась по мне, что решила прийти пораньше?

Я спрыгиваю на пол, минуя две последние ступени, и поднимаю взгляд. Миша высокий, но плечи у него довольно узкие. Он проходится пятернёй по волосам цвета тёмного шоколада — кудри в вечном творческом беспорядке. Если честно, меня бесит эта неряшливость в его внешности, отчего я даже подарила ему расчёску, надеясь, что таким образом он начнёт следить за своей шевелюрой. Но, как оказалось, раздражал беспорядок только меня одну, так как остальные девочки с восторгом игрались с кудрями бедного Нефлянова и висли у него на шее. Такой уж он привлекательный.

Такие, как он, обычно идут в модели, или снимаются для гляцевых журналов, или украшают собой яркие статьи в интернете. И я не раз твердила ему, чтобы он попробовал пойти на какой-нибудь кастинг. Да начал бы с фотографий в социальных сетях, публиковать которые он совсем не собирался. Миша постоянно отмахивался, а потом отшучивался: «Тогда кофейня потеряет своё рекламное лицо, и сюда перестанут ходить клиенты».

Громко цокаю языком, замечая мелькающие смешинки в глазах напарника. Миша расплывается в кошачьей улыбке, сверкая зеленцой радужек.

— Конечно, Миш. Ворочаюсь каждую ночь, вспоминая твой бледный зад.

Миша хватается за сердце, корчась от фантомной боли настолько натурально, что я лишь закатываю глаза. Густые брови сдвигаются к переносице. Он болезненно шипит, но быстро бросает свою затею и начинает смеяться. Да так заразительно, что я сама тихо хихикаю в ответ, заплетая волосы в косу.

— Я могу приходить позже, но тогда ты будешь выполнять всю утреннюю работу сам. А я очень сомневаюсь, что ты захочешь марать свои «золотые» ручки, — тихо хмыкаю я, подходя к кассе, а после присаживаюсь на корточ-

ки, чтобы стащить с полочки тряпку для протирки столов. — Хотя если ты встанешь за кассу, то девушки сами будут класть деньги в твою раскрытую ладонь.

— Ну, это само собой. Я ведь хорош, а?

Не могу сдерживать усмешки, откидывая голову назад, чтобы посмотреть на Мишу. Тот закатывает рукава своей тёмно-зеленой рубашки, подходящей под цвет его глаз. Обычный чёрный фартук, такой же, как и на мне, обязан вокруг талии. Нефлянов имеет особую способность: всё, что он надевает, автоматически становится лучше и кажется красивее, чем на ком-то другом. Даже если он натянет на себя мусорный мешок, то будет выглядеть как перво-классная фотомодель.

— За твою самонадеянность мне хочется откусить тебе нос! — Миша усмехается в ответ на эту глупую угрозу, становясь около кофемашины и начиная готовить свою «железную малышку» к длительному рабочему дню.

Его пальцы пробегают по кнопкам, регулируя температуру воды. Он нажимает сбоку, открывая отсек, где обычно скапливаются все отходы, — на всякий случай проверяет и задвигает обратно с тихим щелчком. Я наблюдаю за этой процедурой каждое утро, поэтому меня уже не удивляют отточенные до автоматизма действия напарника. Равно как быстрота и точность его движений.

Медленно выпрямляюсь, промывая тряпку под краном, и выхожу в зал, чтобы протереть столы. Обычно мы убираемся до закрытия, но каждое утро я всё равно прохожусь мокрой тканью по деревянным поверхностям — на это уходит не так много времени, да и мне несложно. Не собираюсь просто так слоняться по кофейне.

Обратно я возвращаюсь через пару минут, чтобы снова промыть тряпку, выжать её и бросить на батарею сушиться. Вытираю влажные руки о полотенце и медленно двигаюсь в сторону ноутбука, задумчиво кусая губу и перебирая в голове ряд композиций. Первая песня всегда задаёт настрой на рабочий день.

— Диджей Морозова сегодня радует вас треками. Что хочет послушать ранним утром молодой человек в чёрном фартуке? — игриво тяну я, оборачиваясь к Мише через плечо, — он беззвучно смеётся.

— О, Сел, ты слишком хорошо знакома с моим музыкальным вкусом, — говорит из своего угла Миша. — Что насчёт Lost in Japan?

Нужный трек находится довольно быстро, и помещение заполняет приглушённая музыка — не всем посетителям нравятся громкие звуки, поэтому песня скорее идёт фоном.

После того как я пришла в себя, Миша открыл для меня мир музыки. Я ведь и подумать не могла, что слова, вложенные в песню, или просто мелодии заставят что-то внутри трепетать. С тех пор меня часто можно видеть в наушниках. Иногда я слушаю спокойную музыку, льющуюся плавно и медленно, она меня успокаивает. Под такую не плясать хочется, скорее наслаждаться ею. А иногда, когда настроение прыгает буквально до потолка, я отдаю предпочтение громкой и заводной, танцую как никогда. Мне нравится это чувство: звук будто окольцовывает, сжимает в своих объятиях, превращая мир вокруг в калейдоскоп различных цветов и эмоций.

Раздается первый звон колокольчика над дверью, кофемашина жужжит, аромат кофе проникает в самые дальние уголки. О, этот запах я люблю, наверное, больше всего на свете. Иногда, обычно в конце дня, от него немного кружится голова, но он никогда не раздражает. Я люблю вдыхать этот аромат полной грудью, хотя сам напиток терпеть не могу. Меня каждый раз передёргивает, когда утром Миша пробует его на вкус, проверяя качество зёрен. Я предпочитаю что-то сладкое, а кофе всегда неприятно горчит на языке.

Осторожно ставлю чашку с капучино на плоский поднос, покрытый матовым лаком. На молочной пенке Миша нарисовал замысловатый рисунок — кажется, это котенок.